

ГЛАВА ПЕРВАЯ

НОЧНАЯ ГОСТЬЯ

*Все, что неожиданно изменяет нашу
жизнь, — не случайность.*

АЛЕКСАНДР ГРИН

Москва. Наши дни

Звук вырвал Серафиму из сладкого сна. Она не сразу услышала звонок: он доносился до нее как сквозь толщу воды. В мозгу раздался тревожный сигнал, и она открыла глаза. Мобильный звонил, елозя по тумбочке, и она схватила его в руки, даже не посмотрев на экран дисплея. Очень хотелось, чтобы это был Гуджарап. Она вот уже несколько дней не имела от него никаких известий и страшно переживала по этому поводу. При этом ее воображение рисовало картины одну кошмарней другой. Она гнала от себя эти видения, твердила, что слишком беспокоится и поэтому нагнетает ситуацию.

Как психолог она понимала, что неизвестность всегда тревожит — в неизвестности таится тревога и кошмары, — и все же успокоиться не могла, как ни старалась.

В этом была, как говорили психологи, созависимость: когда ты уже не самостоятельная единица, а существо, настроенное на одну волну с мужчиной. И твои настроение и самочувствие в немалой степени, а иногда и целиком зависят от него. Все передовые психологи твердили: надо как можно скорее пытаться вырваться из этого состояния, это ловушка для женщины... ее погибель. Странно, что Серафима большую часть жизни думала именно так: она культивировала собственную независимость и самостоятельность с той самой поры, когда погибли родители и у нее на руках осталась Ангелина, младшая сестра. Ей пришлось заменить той и мать, и отца... Серафима не то чтобы поставила на своей жизни крест, но всегда думала прежде о сестре, а потом уже о себе. Даже когда Ангелина выросла, она не могла расслабиться, стать хотя бы чуточку легкомысленней и беспечней. И так было до тех пор, пока она не встретила Леонарда Гуджарапа. Их встреча произошла благодаря странному, почти фантастическому стечению обстоятельств. Он работал в полиции.

Их пути пересеклись, когда был убит его дядя, ювелир. Вряд ли это можно было назвать приятным знакомством. Он допрашивал ее, подозревал в этом убийстве, так как она встречалась с ювелиром незадолго до его смерти¹. Тогда она думала об одном: как бы выдержать этот допрос и не упасть в обморок. А потом... судьба со скрипом развернула свое колесо в другом направлении, о котором она не думала не гадала. У них начался роман. Так иногда гримасы судьбы превращаются в подарки Фортуны.

Кто бы подумал, что судьба столкнет ее, представительницу древнего рода Анастасьевских, и полицейского с экзотической фамилией Гуджарап. В нем причудливо смешались несколько кровей. А вообще он был красив как бог. И сложен так же. Иногда Серафима спрашивала себя, что он нашел в ней, и не находила ответа, пока ее знакомая — психолог, которая была старше ее на добрые двадцать лет, — не сказала, на секунду закрыв глаза:

— Не спрашивай об этом. Никогда. А то она улетит.

— Кто? — не поняла Серафима.

¹ См. Екатерина Барсова. Последний амулет Блатской. М.: ЭКСМО, 2023.

— Удача, любовь. Амур. Ты думала когда-нибудь, почему символ любви — это амурчик с крыльями и со стрелами? Ну, стрелы еще понятно... А крылья? Ведь он летает, где хочет, и стреляет, в кого хочет. Древние были правы, говоря о слепоте любви... Мы слишком многое анализируем и не доверяем жизни. А она потом не доверяет нам и обходит стороной.

— Я все поняла и больше задавать таких вопросов не буду, — сказала Серафима.

— Ну правильно. Ты же умная девочка. Психологией занялась, чтобы разобраться в себе, правда?

Это было нечестно. Говоря психологическим языком, нарушались ее личные границы. Серафима нахмурилась.

— Не буду! — подняла руки вверх Вера Филипповна. — Я не права. Пойдем-ка чай пить ко мне в кабинет.

Вера Филипповна была практикующим психологом, и Серафима зашла к ней по одному вопросу. Этот разговор она запомнила.

И все же, как ни гнала она от себя эти мысли, иногда они проскальзывали. Что? Что Леонард мог найти в ней?

Но ведь любят не за что, а вопреки... — как считают некоторые коучи и специалисты по

отношениям. Вопреки рациональным объяснениям. Вопреки здравому смыслу. Иногда вопреки благоразумию...

Это были очень опасные вопросы, которых Серафима старалась избегать. Ради собственного же душевного спокойствия...

Взяв телефон в руки, она увидела на дисплее незнакомый номер. Нет, это не Гуджарап. Она испытала разочарование, и поэтому ее голос звучал сухо.

— Я слушаю. — Она покосилась на часы на стене.

Было начало двенадцатого. Поздновато для звонков незнакомых людей!

— Серафима? — голос был с легким акцентом. — Это Анжела. Мы познакомились в Италии. Недавно.

Память услужливо нырнула в недавнее прошлое. В их поездку с Гуджарапом в Италию. Когда ей захотелось собственными глазами взглянуть на ангела на кладбище в Стальено, в Генуе. Надгробие ее предка — Марии Анастасьевской. Поездка была чудесной...

— Да. Конечно. Помню.

— Я сейчас в Москве. Я могу зайти к тебе?

— Вы в отеле?

В голосе послышалось колебание:

— Нет. Не успела забронировать. Подумала, что могу остановиться у тебя. Давай на «ты». Мы же были на «ты». Там, в Италии.

— Давай. Анжела... я... приезжай. Я тебе продиктую адрес. Ты во сколько будешь?

— Скоро. Записываю, — откликнулась Анжела... — Сейчас. И спасибо тебе. Ты очень-очень добрая. Я так сразу и поняла, когда познакомилась с тобой.

Закончив разговор, Серафима принялась срочно делать уборку в квартире, доводя ее до идеального состояния. Было нечто странное в том, что Анжела, не близкая знакомая, вдруг звонит ей и хочет остановиться у нее. При этом она не договорилась заранее и не предупредила о своей поездке в Москву. Анжела была полурусской-полуитальянкой. Ее мать вышла замуж за итальянца, и Анжела стала плодом интернационального брака. Она моложе Серафимы. Ей двадцать пять лет. Жгучая брюнетка с копной жестких вьющихся волос и белоснежной улыбкой. Как смутно поняла Серафима, она работала в каком-то научно-исследовательском институте и подавала большие надежды. Все это Анжела немного сумбурно изложила, когда они стояли и разговаривали на веранде большого загородного дома. Или виллы, как говорят итальянцы.

Да была ли та поездка в Италию? Все хорошее постепенно становится сном, но таким сладким, о котором остаются прекрасные воспоминания...

Серафима пошла на кухню и открыла холодильник. Еда была. Помидоры, листья салата, оливковое масло, колбаса, сыр, хлеб. И немного молока.

Интересно, почему это Гуджарап не звонит, что с ним. С начала февральских событий он постоянно находился в каких-то командировках, но где и чем занимался — не говорил. Бывало, от него не было известий несколько дней, и тогда Серафима не находила себе места, с трудом держала себя в руках... По сути дела, она не знала, чем занимался ее возлюбленный. Сам он со смехом называл себя следователем по особым поручениям, секретным агентом, работником законспирированной аналитической службы. Но что здесь было правдой, а что ложью — Серафима терялась в догадках.

Она делала ревизию запасов. Кофе в зернах есть. Завтра утром стоит прикупить продуктов. Но сейчас она может предложить Анжеле кофе или чай. Бутерброд с колбасой, сыр, зелень... Еще есть сухое печенье.

Снова раздался звонок мобильного. Анжела!
— Ты не можешь меня встретить?

— Уже подъехала?

— Да.

— Сейчас. Спущусь вниз и через пару минут буду на улице.

«И где Гуджарап? — опять возникла мысль. — Почему он не звонит? Вдруг что-то *серьезное?*»

На улице было тихо. Пахло жасмином. Серафима запахла кофту, и тут до нее донесся звонкий голос.

— Привет! — Анжела вышла из такси с большой сумкой, приблизилась к Серафиме и поцеловала ее в щеку.

— Прости, что я так внезапно... Не предупредив заранее. Но так получилось.

— Ничего, поговорим дома.

Итальянка подняла глаза вверх:

— Это твой дом?

— Да.

— Красивый.

— Сталинская архитектура. По-своему она очень привлекательна.

— Да-да. Я понимаю. Я читала об этом. Дома повышенной комфортности и определенного имперского стиля.

— Ну, насчет повышенной комфортности я бы не сказала... — протянула Серафима. В доме стал ломаться лифт и барахлил мусоропровод, но говорить об этом иностранке было

бы странно и неправильно... «И на что ты жалуешься, — одернула себя Серафима, — у тебя прекрасная квартира... Все хорошо».

— Пойдем скорее. Тут дует, — заторопилась Анжела.

Хотя никакого ветра не было. Стоял чудесный июньский вечер: тихий, теплый, когда все подернуто чудесной дымкой распустившейся зелени. Серафима любила позднюю весну и раннее лето, когда оно еще не вошло в полную силу. Не наступила изнуряющая жара, а город не превратился в раскаленные асфальтовые джунгли. Но может быть, итальянке кажется, что дует ветер и холодно. Теплолюбивые люди могут испытывать неудобство от малейшего сквозняка. Тяжелая дверь подъезда закрылась за ними, и тут Серафима увидела, что ее знакомая мелко-мелко дрожит.

— Да ты и вправду замерзла, — тихо рассмеялась Серафима. — Сколько у вас там сейчас в Италии градусов?

— За тридцать, — чуть слышно сказала Анжела.

— Ну конечно, после таких температур Москва кажется арктическим ледником. Как долетела?

Анжела запнулась:

— Нормально.

— С пересадками?

— Да.

— Надолго к нам?

Тут же Серафима сделала сама себе выговор за бестактный вопрос: можно подумать, ты уже хочешь ее спровадить... Следи за своей речью... Не забывайся...

Анжела как-то неопределенно повела плечами и нахмурилась.

— Не знаю. Посмотрю. Пока не могу сказать ничего определенного. Зависит от многих обстоятельств и факторов.

Серафима нажала на кнопку вызова лифта.

— Понятно. Сейчас согреешься на кухне. Выпьем чай или кофе. Что хочешь?

Лифт остановился на одном из этажей. Анжела как-то странно посмотрела на Серафиму. В глазах мелькнул испуг:

— У вас часто ломаются лифты?

— Нет. С чего ты взяла?

— Лифт стоит на месте. Кто-то его остановил?

— Сейчас он поедет. Наверное, маленькая техническая неисправность. Небольшая пауза. Так бывает.

И в самом деле, после того как Серафима пару раз настойчиво нажала на кнопку, вскоре раздалось шуршание лифта. Когда кабина

остановилась, Анжела отступила назад, как бы спрятавшись за спину Серафимы.

Они зашли в лифт, и Серафима увидела, как ее знакомая бледна и напряжена. Сейчас отойдет. Посидит на кухне, выпьет кофе и отгадет. Наверное, перелет, общая усталость... вот все эти факторы и сказались на самочувствии.

На кухне Анжела какое-то время сидела, глядя прямо перед собой в одну точку. Когда Серафима поставила перед ней чашку кофе, Анжела вскинула на нее крупные карие глаза:

— Спасибо. — Она прекрасно говорила по-русски, с едва заметным акцентом: — Я, наверное, свалилась тебе как снег на голову?

— Ничего. Все нормально.

— Понимаешь. Внезапная командировка, — начала она, оправдываясь.

— Что-то срочное по работе?

Та часто-часто закивала головой:

— Да. Я сама не ожидала. У нас обычно так не делается. А тут... Минимальное время на сборы — и вперед! А где твой... — она запнулась.

— Друг? Леонард в командировке.

— Ясно. Жаль, что его нет. Он мог бы мне помочь.

— В чем?

— В одном деле. — Анжела нахмурилась. — Если честно, то я на него рассчитывала. Не думала, что его не будет в Москве.

— Его нет. И когда будет — не знаю. Тоже срочная командировка.

Анжела испытующе посмотрела на Серафиму:

— Тогда, может быть, я расскажу тебе... Но...

— Я не выдам.

Серафима налила себе вторую чашку кофе и приготовилась слушать.

— Я рассказывала, что работаю в одной исследовательской лаборатории.

— Говорила в общих чертах.

— Так вот, — запнулась Анжела. — Это правда. Но не вся.

— Я слушаю...

Кофе был горячим и сладким. Серафима пила такой нечасто. Понимала, что он нагоняет лишние калории. Такой кофе не бодрил, а скорее успокаивал. Вот и сейчас она нуждалась в успокоении, так как все время нервничала из-за Леонарда. Она постоянно задавала себе вопросы: где он и что с ним сейчас? И вот сию минуту, сидя на стуле напротив Анжелы, Серафима почувствовала, как ни странно, облегчение. Может быть, потому что со-

биралась вникать в чужие проблемы, а не копать в своих. В ней включился психолог, готовый выслушать пациента. Но Анжела молчала.

— Я слушаю, — мягко повторила Серафима.

— Я... короче. Не слишком ли обременяю тебя? — выпалила Анжела.

— Ничего. Все нормально...

Из рассказа Анжелы складывалась следующая картина. Она трудилась в одной закрытой лаборатории, где занимались секретными разработками. Сказав об этом, Анжела сделала страшные глаза и замахала руками. Один проект, связанный с авиацией. Причем рассматриваются те разработки, которые были сделаны еще в прошлом веке. Начиная с 20-х годов. И вот с некоторых пор ей стало казаться, что за ней следят, с тем чтобы украсть результаты исследований. А в Россию она прилетела, чтобы кое-какие наработки обсудить со сведущими людьми в Москве.

— Как же ты можешь что-то обсуждать, если это секретные исследования? — удивилась Серафима.

— Ведь эти люди тоже когда-то работали над похожей тематикой. Поэтому было бы интересно с ними поговорить. И конечно, не раскрывая суть моих интересов. Но...

понимаешь, теперь мне кажется, что за мной следят.

— С чего ты это взяла? У тебя есть доказательства?

Анжела мотнула головой:

— Никаких. Но есть же ин-ту-и-ци-я. — Это слово она произнесла по слогам. — Понимаешь: ин-ту-и-ци-я. И никакими логическими доводами я себя успокоить не могу. Я хотела посоветоваться с Гуджарапом. Мне кое-что удалось узнать...

Серафима промолчала. Она не хотела говорить Анжеле, что иногда бывает не интуиция, а простая мания преследования. Когда любой шорох, стук двери или взгляд случайного прохожего укладываются в одну цепочку — что за тобой следят и хотят уничтожить. Это признаки начинающегося психоза. Но это уже вопрос не к психологу, а к психиатру. Ничего этого Серафима говорить не стала.

— Не надо так думать. Ты просто измучаешь себя. Это все нервы. Надо хорошо выспаться, поехать куда-нибудь отдохнуть. Сменить, как говорят, картинку. Даже простой поход в музей или картинную галерею может отвлечь. А уж если выбраться куда-нибудь на несколько дней, то успех гарантирован. И тогда это состояние уйдет, вот увидишь.

И она погладила Анжелу по руке. Но этот простой жест почему-то вызвал у молодой женщины бурные рыдания.

— Спасибо, Серафима, ты очень добрая. Я рада, что нашла у тебя приют. При-ста-ни-ще. — Некоторые слова Анжела выговаривала старательно и по слогам. — Ты меня выслушала, я немного успокоилась. Сейчас уже поздно, давай спать. Завтра утром у меня много дел, нужно встретиться с людьми, о которых я тебе говорила. И может быть, завтра я позвоню Гуджарапу и переговорю с ним.

— Сейчас он вне зоны доступа.

Анжела сделала большие глаза, а потом часто-часто закивала головой.

— О! Понимаю. Но вдруг он позвонит... Я буду рада побеседовать с ним на интересующую меня тему.

— Я тоже буду рада, — со вздохом сказала Серафима.

Она постелила Анжеле в большой комнате. Перед тем как пожелать ей спокойной ночи, спросила: надо ли ее утром будить. Та ответила, что встанет сама. Но если вдруг не проснется по будильнику, то пусть Серафима ее разбудит.

— Хорошо, — сказала Серафима.

Сон никак не шел. Она лежала в постели и ворочалась. Снедало беспокойство за Леонарда. Как он? Ну мог же подать весточку. Она ждет. Тоскует. Тревожится.

И тут, словно бы услышав ее мольбы, пришла эсэмэска:

«Все в порядке. Спи. Целую нежно. Леонард». И смайлик. Сердечко.

Серафима резко выдохнула и натянула одеяло на голову. И тихо рассмеялась. Она была почти счастлива. А вот полным ее счастье будет, когда он приедет.

В ответ она отправила два больших сердца.

За завтраком Анжела была молчалива и сосредоточена. Она проснулась по будильнику. Его звон разбудил и Серафиму, которая пошла на кухню и занялась приготовлением бутербродов и кофе.

— Надолго уходишь?

— Не знаю.

— Если требуется помощь — звони.

После недолгого молчания Серафима сказала:

— Гуджарап прислал эсэмэску.

— Когда приедет, не сообщил?

— Нет.